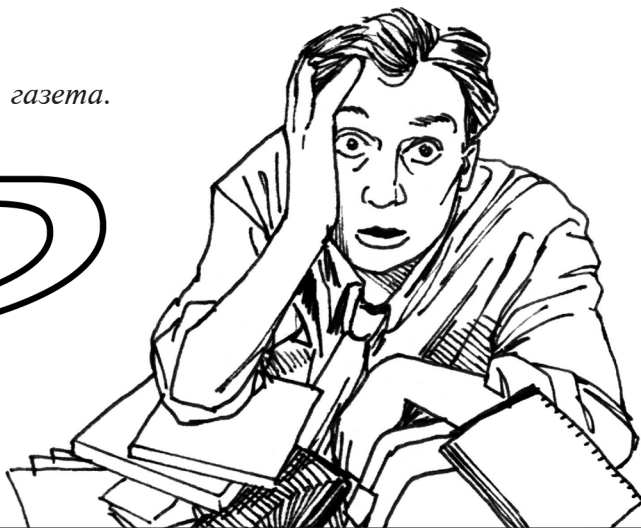

ЧТО ХОЧЕТ АВТОР

Международная
литературно-публицистическая газета.
№1 (1) 2012 г.

Газета выходит ежеквартально. Контакты для участия и сотрудничества: mim62@mail.ru

ДВА РЕСУРСА В ОДНОМ ИЗДАНИИ

Этим номером запущен совместный проект медийной группы «Интеллигент» с литературным порталом «Что хочет автор». Как считают учредители этих ресурсов Сергей Пашков и Илья Майзельс, что объединение разных возможностей, у этих литературных ресурсов, в объединении даст то, что каждому, пусть хоть и немного, но не достает.

У обоих учредителей огромный издательский опыт, но каждый из них, до этого проекта вел самостоятельную литературную и издательскую политику. Илья больше строил оттачивания мастерства и подъем авторитета авторов и ресурса в конкурсных баталиях и жестких публичных критических и обзорных материалах. Тогда как Сергей брал целые пласты словесного творчества, притом из разных регионов России и русскоязычных авторов за рубежом и размещал их подборками на своих ресурсах. Хотя обзоры с разных регионов и стран были обязательным условием сотрудничества с его ресурсами, но они в большей части были закрыты от публичного их просмотра. Только недавно эти обзоры были выложены на сайте «Моссалита», и то только за небольшой промежуток времени. Есть и другие особенности и различия этих двух ресурсов. Несомненно, у них одно, что они оба направлены для поддержания интереса и для развития русского языка и словесного творчества. Объединение ресурсов на одной ниве издательского проекта, довольно хлопотное и сложное дело, тем более разных по политике ресурсов, но общая солидарность не только в самом словесном творчестве так таковом, но и по затратам, дает возможность становления, развития и ...

Как сложится история этого совместного проекта зависит от терпимости и гибкости обоих учредителей, а вот участие в этом издании для любого автора будет престижным и учредители приложат для этого все их усилия.

Само издание будет электронной газетой, но все желающие смогут получить обязательную оригинальную авторскую печатную версию, исполненную на особой белой бумаге, либо самим отпечатать свои экземпляры с электронных версии газеты, которая будет размещаться на портале «Что хочет автор». Просматривать и скачивать газету смогут все желающие.

Мыслитель

(От имени Сергея Пашкова и Ильи Майзельса)

Даниил Чкония

Поэт, прозаик, переводчик, литературный критик – родился в 1946 году в Порт-Артуре, жил в Мариуполе, Тбилиси, Москве, с 1996 года – в Кёльне. Окончил Литературный институт имени М. Горького. Автор восьми книг стихов, многочисленных книг переводов поэзии и прозы с грузинского. Член союза писателей с 1976 года, ныне – член СП Москвы и Русского ПЕН-Центра. В 2005-2009 годах – главный редактор журнала русской литературы «Зарубежные записки» (Германия). В 2011 году за этот проект (совместно с соредактором Ларисой Щиголь) награждён дипломом Жюри и Оргкомитета Русской премии «За вклад в развитие и сбережение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации». В 2006 году отмечен специальным призом 2-го Международного фестиваля русскоязычного зарубежья имени А.П. Чехова в Греции (Афины) – «За особый путь в творчестве и судьбе «Достоинство личности и культура». Постоянный председатель жюри конкурса молодых поэтов русского зарубежья «Ветер странствий» в Риме и член жюри Поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» (Бельгия).

В последние годы активно печатается в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Новый мир».

**Буксир на реке завывает...
Я вышел и сразу промок.
Ну что ж, и такое бывает.
И что мне полночный звонок!
И что мне в твоём интересе —
Куда моё время летит!
Ты где-нибудь в теплой Одессе,
А здесь без конца моросит.
Здесь тусклая сырость нависла.
Не спрашивай лучше, не зли!
Летят перелётные числа
И тают в осенней дали.
Недолго уже до мороза,
Как вечер наступит — ни зги...
Какой-нибудь Бабель с Привоза
Тебе заморочит мозги.
Мерцает холодная лужа,
Буксир завывает, скорбь...
Послушай, найди себе мужа!
Пушай он ревнует тебя!**

* * *

**Но как просилась ты в силки
Наперекор своей природе...
Я научил тебя свободе,
И — взмахи крыл твоих легки.**

**Лети, неласковая птица,
И падай в медленную высь.
Не оглянись: всё повторится.
Не повторится! Оглянись!**

**И — плавная — по повороту —
Истаиваешь ты во мгле.
Я научил тебя полёту.
А сам остался на земле.**

* * *

**Гуляет море, тихое вчера,
И люди с постоянного двора
Опять глядят в пустую даль устало.
Таможня прячет ружья под навес,
Струя дождя — ветвям наперерез,
В харчевне карты разложил катала.**

**Поручиком уже никак не быть,
В штабс-капитанах тоже не ходить,
И не скупать для светских**

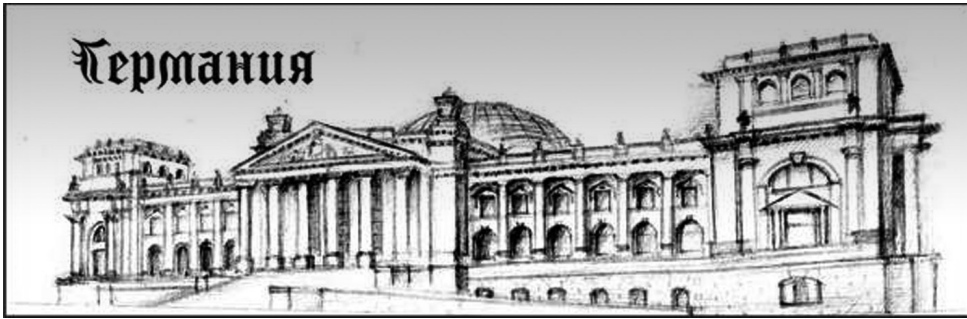
**львиц подвески,
Поскольку ни имения в заклад,
Ни дяди честных правил, а закат
Не высветил**

контрабандистской фески.

**Волне шипеть, шептать и рокотать,
Подкрадываясь к берегу, как тать
В ночи, и с ветром бестолково
споря.
И стоя на турецком берегу,
Я столько напридумывать могу
Пока еще погуливает море.**

**Прошла эпоха. И была она
По-своему прекрасна и темна,
И нынче времена не так уж плохи.
Я не поручик и не капитан,
Стою себе, не весел и не пьян,
Свидетель подступающей эпохи.**

**Как многие, гляжу в пустую даль,
Гуляет море, ну и мне не жаль,
Кого катала нынче раскатает.
Стремительное время протечёт,
Сыграет с нами в нечет или чёт,
И также в этих сумерках растает.**

МЕЧТА

1

Один человек, по фамилии Ложкин, купил себе лошадь. Достатки у него были не велики, и потому он купил себе не ахалтекинского скакуна, а простую деревенскую кобылу. Впрочем, он в этом не разбирался, а значит и значения этому не придавал. Так что радости его это не мешало и ущербной ее, таким образом, не делало.

Еще утром этого дня он жутко нервничал. Сначала его сильно знобило, потом напал душераздирающий кашель, наконец прошиб холодный пот, и он вынужден был забраться под душ. Только перед самым уходом его, наконец, отпустило. Совершенно разбитый, Ложкин сел прямо на пол и так сидел, ни о чем не думая, минут двадцать, после чего, пожалуй, готов был одеться и отправиться в путь. Но что же надеть?(!) Почему-то оказалось, что это невероятно важно, как он будет одет. И тогда Ложкин оделся так, как одеваются на долгожданный и торжественный праздник.

Поэтому теперь он, одетый в свой праздничный темно-синий костюм, светло-голубую рубашку с галстуком и, начищенные до блеска, черные туфли, сияя обалделой улыбкой, церемониальным шагом шел возле гранитного бордюра и вел в поводу лошадь...

Он шел гордо, не оборачиваясь, всей кожей, всем нутром своим слушая музыку подков! У него была лошадь!

2

Большинство людей, одержимых какой-либо идеей, мало или почти совсем не думают о том, что будет, когда эта идея осуществится. Ложкин, к сожалению, принадлежал именно к этому большинству. Невероятно усталый и невероятно счастливый подошел он к своему девятиэтажному дому, прошел под аркой во двор, остановился у своего крыльца и вдруг в полной растерянности замер: что делать дальше он не представлял себе ни на йоту. Как был, «при полном параде», он сел на грязную лавочку возле подъезда и стал пытаться превратить эйфорический туман в голове в простые и связные мысли. Острота ситуации была такова, что ему удалось это сделать довольно быстро. Когда туман окончательно разо-

ОСЕНЬ

Все! Оставался какой-то десяток часов. Он уезжал. Навсегда. И ему напоследок хотелось исчерпать этот город до дна.

А кругом была осень. И желтые листья. И солнце светило вовсю. И ветер был теплый и ласковый. Этот приторно ласковый ветер рвал охапками желтые листья с деревьев и бросал их идущим под ноги.

И он тоже — высокий, изящный и соломенно-рыжеволосый — казался осенним листом, оторванным и гонимым все тем же приторным ветром. И еще он казался слепым, потому что на всех натянулся и чуть-чуть не попал под машину, и блуждал без цели и толку, ощущая с ужасом и восторгом, как время уходит, уходит, уходит...

Все... Он больше уже не мог ни носиться, ни ощущать. Город был по-прежнему полон, а он исчерпался до дна. Ветер еще какое-то время кружил его душу, напоследок давая возможность насладиться свободой, и теперь вот швырнул его также, как прочие листья, идущим под ноги. Он сидел на скамейке в крошечном сквере, зажатом между домами, и был тих, и витал в облаках, и

Александр Крамер

шелся, а мысли окончательно выкристаллизировались, оказалось, что основных мыслей три. Первая: чем кормить; вторая: где чистить - блистить; третья: где держать. Незамутненная конкретность ситуации вначале произвела в его мозгу новый переворот и образовала новый туман, который, впрочем, довольно быстро рассеялся под бурным натиском весьма неконкретной мысли: действовать!

Для начала Ложкин мотнулся в булочную и купил буханку ржаного хлеба. Улыбаясь и глядя лошадь, он скормил ей хлеб и от этого сам успокоился. И такой успокоенный, и даже какой-то собранный, привязал Ложкин кобылу к крыльцу и пошел к себе наверх, переодеваться.

3

Уже в сумерках лошадь и человек перешли узкий мостик через Течу и оказались на огромном зацветающем лугу. Где-то далеко позади загорался вечерними огнями город. Где-то далеко позади остался этот безбрежный, бездонный день. Ложкин отпустил лошадь и она медленно ушла в темноту - пастись. Палатку и нехитрый походный скарб Ложкин оставил на лугу, а сам спустился к реке, сел на берегу и ненадолго задремал, укутанный невероятным днем. Ночь обещала быть тихой и теплой. А впереди было яркое быстрое лето, волшебная тихая осень и свирепая долгая зима. Долгая лишь для того, кто сможет ее пережить.

как будто уснул, улыбаясь теплу и покою, опустошенный.

О господи! Время! Он схватил свою сумку и понесся как вихрь, как тайфун, как торнадо, теперь уже целеустремленно расталкивая прохожих (мне кажется, что от этого легче им не становилось) и чуть было снова не попал под машину... Но вот и автобус. Привычная давка привела его в чувство. Он быстро восстановил силы перед дальней дорогой. Скорлупа разрушалась. Птенец выбирался на волю — чтобы жить!

Черт! Проклятое время! Как дикий зверь за добычей, пересек он вокзальную площадь, скатился в подземный туннель, вырвался вновь на поверхность, на перрон, и понесся к вагону, распугивая пассажира, разметая опавшие листья...

Откуда только взялась эта лужа! Состав уже лязгнул на сцепках, а еще два вагона... И Она закрывает проход между лужей и краем перрона. И о вихрь, о тайфун, о торнадо!..

Она была также изящна и соломенно-рыжеволоса. И казалось, что они два листа с одной кроны. Это ветер прибил их друг к другу, и теперь наслаждался творением крыл своих (вполне в его духе). И он обнял ее, приподнял, и затих, и несмело коснулся губами, и гонимый осенним временем, унеся, оставив Ее на перроне среди облетевших листьев.

Михаил Юдовский

Родился 13 марта 1966 года в Киеве. После школы учился в художественно-промышленном техникуме и институте иностранных языков. Два года отслужил в армии, на Дальнем Востоке. С 1989 года — свободный художник. Первую книгу («Приключения Торпа и Турпа») написал в соавторстве с Михаилом Валигурой. Книга была издана в 1992 году в издательстве «Эссе». В том же 1992 году переехал в Германию. Впрочем, остается гражданином Украины, где бывает очень часто. Выставлял свои живописные работы в странах СНГ, Европы и Америки. Свыше 100 работ автора находятся в музеях и частных коллекциях 14 стран: Украины, России, Германии, США, Израиля, Великобритании, Франции, Австрии, Польши, Италии, Коста-Рики, Сербии, Хорватии, Болгарии. Поэзию и прозу автора публиковали в Украине, России, Германии, Англии, Израиле, Австралии и США. В 2009 году в Украине вышла книга М. Юдовского «Поэмы и стихи». М. Юдовский участвовал в турнирах Пушкин в Британии (2009 — третья премия и приз зрительских симпатий; 2011 — приз зрительских симпатий), «Эмигрантская лира» (2009, Брюссель, приз зрительских симпатий, приз за Магию Слова) и «Активация слова» (2011, Киев, первая премия)...

**Я буду пить любую из отрав,
Во всем винась, ни с чем не соизмерясь.
Но только тот несокрушимо прав,
В ком говорит возвышенная ересь.
Мне так близка дорога катастроф
В ее земной и неземной юдоли.
Уходят в небо сполохи костров,
В которых звезды корчатся от боли.
Я ощущаю от ожога след.
И на свободной от крестов Голгофе
Бессмертный инквизитора скелет
Сидит на троне с чашечкою кофе.
Пустоты глаз устремлены вперед,
И скалится отточенно, как бритва,
Лишенный губ и выраженья рот,
Где нет хулы страшнее, чем молитва.**

* * *

**Мое земное неземное,
Мое нездешнее, иное,
Необъяснимое уму,
Мое напрасное, хмельное,
И чужеродное всему.**

**С самим собой играя в прятки,
Я забывал о том, что кратки
Мгновенья, взятые внаем,
То приближая в лихорадке,
То отдаляя оком.**

**Течение ровное событий
Я расплетал на сотни нитей,
Глотая жадно, как дурман,
Святое бешенство наитий
И бесовской самообман.**

**Забыв себя, утратив меру,
Я нежно пестовал химеру.
Сгорая и рождаясь вновь,
Я исповедовал не веру,
Но исповедовал любовь.**

**Мне было радостно и лестно
Себя растратить безвозмездно.
Сегодня здесь, а завтра там,
Я шел и чувствовал, как бездна
За мной крадется по пятам.**

**Меня, не знающего тыла,
На слишком многое хватило.
Сияли мне издалека
Не то небесные светила,
Не то окошки кабака.**

**Я попадался на приманку,
Пускаясь с сердцем наизнанку
В угар, готовый размолоть
Души тончайшую огранку
И обезбашенную плоть.**

**И на распутьях и распятых,
Поднаторев в таких занятиях,
У хмуры вечности в долгу,
Я засыпал в чужих объятьях
И просыпался на снегу.**

**Проклятье белое металла
В меня зима. Прочней металла
Оковывали сердце льды.
И выюга тихо заметала
Мои невнятные следы.**

Германия

Сказка о камнеломке

Давным-давно, когда мир был ещё молодым, решила Фея Цветов украсить землю и рассыпала повсюду семена самых разных цветов, а через год полетела проверить, хорошо ли прижились новосёлы и не нуждаются ли они в помощи и совете.

И спросила Фея у Розы:

- Не надо ли тебе чего, прекрасный цветок? Говори, я исполню твои желания!

Ответила Роза:

- О, Повелительница! Дай же мне шипы для защиты, и дай мне много солнца, и дай восхищение Человека во все дни моей жизни!

Взмахнула Фея волшебной палочкой, и сказала:

- Да будет так!

Полетела волшебница к Тюльпану и спросила у него:

- Не надо ли тебе чего, прекрасный цветок? Говори, я исполню твои желания!

Ответил Тюльпан:

- О, повелительница! Посели меня в степи у всех на виду. И пусть Человек поклонится мне, выкапывая мои луковички!

Взмахнула Фея волшебной палочкой:

- Да будет так!

Полетела она к Сирени и спросила у неё:

- Не надо ли тебе чего, прекрасный цветок, говори, я исполню твои желания!

Ответила Сирень:

- О, повелительница, дай же мне такой аромат, чтобы влюблённые назначали свидания под моим кустом!

Улыбнулась Фея, взмахнула волшебной палочкой и сказала:

- Да будет так!

Фея посетила много мест, где росли цветы, и с каждым исполненным желанием становилась земля нарядней и краше.

Чем дальше к северу улетаала Фея, тем меньше цветов находила она, и прибыла, наконец, в очень холодное место, называемое Арктика, не увидела там цветов, присела на камень и задумалась.

- О, Повелительница! Камни холодные, ты можешь простудиться! - услышала она вдруг тоненький голосок.

Изумлённая Фея осмотрелась и увидела семейку крошечных цветов цвета тающего льда, растущих на каменистом берегу тундрового ручья, где и почвы-то нет.

- Вы кто такие, как вас зовут? - удивилась Фея цветов.

- Мы камнеломки, мы тут живём! Будь же нашей гостьей, выпей воды из ручья, отдохни, поговори с нами; на Север редко кто приходит, одиноко нам и не с кем словом перемолвиться.

Отдохнула Фея на берегу тундрового ручья, испила его холодной, звонкой воды и рассказала камнеломкам все новости, какие знала, и на последок спросила:

- Не надо ли вам чего, храбрые малютки, живущие в стране снега и скал? Говорите, я исполню ваши желания!

- О, Повелительница, у нас всё есть. Нам ничего не надо!

- Но здесь же холодно, может, перенести вас в тёплое место?

- Не очень у нас тепло, но мы держимся вместе и согреваем друг друга.

- Может добавить вам солнца, воды или хорошей почвы?

- Нам хватает воды от дождей и туманов, над нами четыре месяца в году не заходит солнце. И почвы нам богатой не надо, мы небольшого роста и привыкли довольствоваться малым.

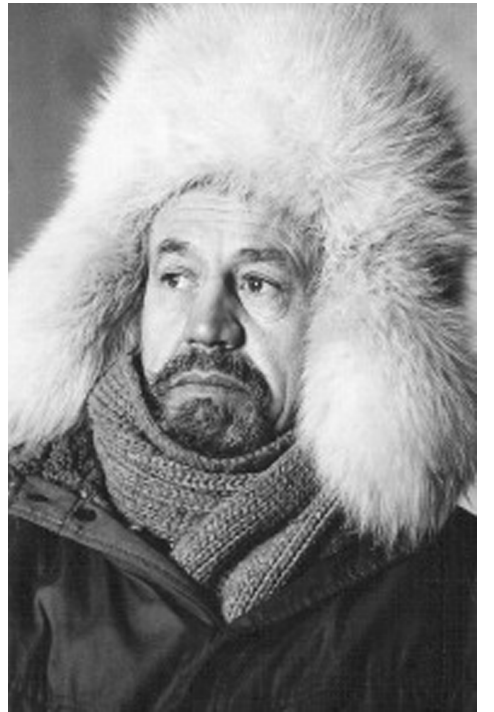
Удивилась Фея Цветов и сказала так:

- Милые цветочки суровой страны!

За вашу скромность, за отзывчивое сердце ваше, одарю я вас щедро: моя мантия коснётся лепестков ваших и станут они царского пурпурного цвета!

И если пройдёт вашим краем Человек, остановится он, чтобы полюбоваться вами и пожелать вам здоровья. Наклонится над вами, и ощутит аромат, похожий на запах новорожденного ребёнка, и задумается о путях своих.

Изображение Камнеломки войдёт отныне в гербы* многих северных горо-

дов и провинций как символ стойкости и мужества! Да будет так!

И взмахнула волшебной палочкой Фея цветов, и стало так.

Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец.

В. ЭЙСНЕР

* Изображение камнеломки входит в герб провинции Нунавут в Канаде и в гербы ряда северных городов мира.

Страсти на Полюсе (Старый чалдон Потап Криволапов пишет письмо.)

Дорогой племяш!

Вот ты интересуисси, как оно на Полюс-та съездилось?

А и не спрашивай...

Прилетели, а тама снег!

От-т, нашли чем удивить!

И ни кедра, ни куста - голЫм-голО! Построили, называется, туристичный компликс! Агромадные клыбы ледЯные как привезли самосвалом, дак вкось-кривь и понатык...ык... ик-кали без щикатурки!

Сентяб`, октяб`, тяп-ляп и май!

А лапшу вешали в турбюре: мол, красиво и дух захватывает!

Да уж дух!

Да уж захватывает!

На весь Полюс перегар слышать!

Я не спроть, пушай выпьет бригада, но в меру!

Щели не заделаны, скрозь всюду вода текёт.

Стыдоба-а!

Воду попробовал — солёна!

Знатко, и здесь зимой по всех дорогах соль сыплють, гражданам обутки портют, ик... ик... икологию нарушают.

Я до того расстроилси, чё снимать нечё, дак ик... ик-амеру и не вынал!

Но хужей всего, чё спотыкаисси без конца!

А гидша: «Звиняйте, тута паралели и меридяны сходятца, а пурга, дак не расчищено».

И спотыкатца турист на паралелях, и шишки себе о меридяны набиват.

Как ты зенки ни пучь, а всё одно хлопнесси ли обутки знахратишь!

Я со школы помню, чё сама последняя паралель — суть точка.

Дак йето на карте точка, а в натуре — чернильна клякса саженов на сто. Посередь кляксы торчит земная ось, а над ей меридяны хвостом завязаны.

Эта чернильна мёрзлота щё и на сажень вверх воздыматца, а лествица, зна-

мо дело, одна на всех. Тут драка — кто спервый. Степенны мужики баб отпихиють, бабы их сумкам по мордам. Кругом оторваны пугвицы и выбиты зубья!

Ковды жа наверх пробёсси и к земной оси прислонисси, дак прям сле-за прошибат. Обещали в турбюре белую безмолвию, а култыхание и грохот.

Обратно надули!

Я ухо приклат: верхний подшипник стучит!

Не мажут. Салидол ик... ик... икономят!

А жмётъ за сорок!

А ветер — в харю!

А весь народ трясётси в шкуртках с поленоэтилену, а на mine шуба овчинна!

Тады достают они для сугреву и шары лупят:

Застыло всё, залякло!

Кто поумней, у того термоса: кофэ, какава.

Охламоны жа грызуть коняк, жують амарету, и мерзлой самогонкой давятси!

И бабка тут шастат. Но не семечкам торговат, а петушкам на палочках.

Водка-леденец. Напейси — не облейси!

И чё ты думаешь? Народ мусолит. Ик... ик... икзот-ик!-ка! У mine жа ик... икстракт домашний. Чистогон - кедра. Глотнул, сала куснул — харрошо-о!

А руки задубеют, роняют туристы энти кусманы ангольные, а те на еголки крошатси.

А тута и босые ведмеди гуляют, хлеп да сникерся с рук берут, на еголки наступают и лапы занозят. А животная, она ж больно место лижет.

А «босой» лапу сосёт.

А распробует и обратно наступат.

И обратно сосёт.

Сдаля смотришь - вроде пятку смакует, всамделе жа пьянствует!

Нализался - и спит в ик... ик... иктазе!

Смотришь — душа радуется. Корешей споминашь.

И тута жа хычники - вот оне! Кто с щипцам-пасатижам, а кто с долотом. Клыки да когти у беспомочных потапычев отшибают! Ковды смотрю, и мой знакомец, зубной рвач с Томску, к умке одному похмельному подкралси и шприц ему в задницу! Да здоровенный, как у Моргунова в кине про Кафказ. Мишка захрапел, а тот варнак ему клыки урвал!

Н-да. Дела-а на полюсу, - башка кругом!

Пошёл в палатку, думал, засну, дак отойду чудок, а в ей стенка прозрачна и свет не отшибатца. Щёлкал, щёлкал, крутилси, крутилси, не засну, хоть ты тресни!

Ладно. Нашёл гидшу тую, а самого аж трясёт.

- Свет-то, - грю, - где у вас выключатца, веть сутки не спамши!

- А не выключатца, тута день полярный. Говорили же вам, чтоб повязки на глаза!

Тут я офонарел прям:

- Да мало ли чё грили, я не конь, штабы шориться! Да ик.. игде видано, штабы день без конца! Да ковды ночь-то будет!

- А не будет,- грит,- закон такой. — И сама пальчиком вверх указывает и лыбитца вширь!

Тут я допёр маненько. И сам не дурак, уже заметил, чё Солнце, не закатимшись, вверх задвигат.

- С Москвы што-ль закон-ту? Чё-т не читал нигде.

- Подымай выше, - грит, - и пальчик над головой возносит! Тут я спомнил Ваську Савельева, как он всеобчий иврейский заговор раскрывал. И что, дескать, Москва под йим, и все столицы и золото, и что скажут, те сполняют, а не сполнишь - зарежут тя, как барана, и другова поставять.

Да-а-а... Што на Луну летаютъ, - то ладно, но штабы Солнцем командовать, это ж куды пролезть надо? Неуж и туды пробрались?

Как стали взад собиратца, я по всех магазинах пробежалси - сувенир добыть,

дак ничё путного не знайшёл, а шпекулянтъ зубья да когти на развес продают. Неначе, как в стоворе с турбюрой. Ну, куды денисси? Купил в одного шпекуляра кило зубьев. Раздать корешам в бригаде — хай знаютъ Полюс.

А дома смотрю: пожухла половина и запах колбасный. Дак увеличительную лупу навёл. Окажется, зубья и есть, тока с огорода. Чеснок!

Ну, я им в турбюре всё на стол и высыпал: нате! И в суд написал за полярный обман.

Дак оне, думаешь, спугались? Аблаката натравили! И он сразу:

- Турбюро овощам не торговат! Игде Вы взяли - не наше дело, а за икс... инс... синуюнию Вам срок светит.

Вижу: арбуз не по размеру. Даю задний ход:

- Заберу заявлению!

- Уже подшито!

- Еслив шубу волчинну и кедровки литрА — сойдёмси?

- Не-а, - грит, - мы Вас в пример засудим, штабы другим неповадно!

Я — туды, я - сюды. Я - Тык-мык. Вникак! Все законы превзошёл, пёс турбюровский! Н-ну, ташшу козырь:

- А еслив стих про тайгу и романтику сердца, — сойдёмси?

Он ширше лыбитси, очкарь тошшой:

- Будь хоть трижды Беранже,- тут тебе не прохонже!

Дак и засудили миня за неправильную клевету!

И дали салидолу и пятнадцать суток на оси верхний подшипник мазать...

Не суйся в тую турбюру, племяш, не езжай на полюс! Ты подумай тока: у них тама всё схвачено! Еслив кому по рылу съездишь, дак правды не добьёсси, а смазчиком попадёшь, дак и сопьёсси, гля, или шерстью обрастёшь с «босыма» с темя.

А коли не веришь, дак посмотри в мои синие глаза. Думаешь, оне могут врать?

Засим и остаюсь, твой печальной дядя,

Потап Криволапов.

В. ЭЙСНЕР